

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-КАЗАХСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVI – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Одной из тем, которая регулярно всплывает в постсоветское время в общественно-политических изданиях и даже в научной литературе, является вопрос о том, принадлежало ли Прииртышье казахам в период основания там российских крепостей. При этом нагнетается межнациональное напряжение, зачастую приводятся странные аргументы, что русские отняли территорию казахов, с одной стороны, или что Российская Федерация по праву строительства городов по Иртышу, входящих в настоящее время в состав Республики Казахстан, имеет законные основания претендовать на них. Хотим подчеркнуть, что необходимо рассматривать подобные вопросы максимально объективно, с привлечением широкого круга достоверных источников и проведением тщательного анализа. Русско-казахское разграничение XVIII–XIX вв. не может рассматриваться в качестве исторического обоснования последующего межгосударственного разграничения, поскольку основой этого разграничения послужили решения, принятые гораздо позднее рассматриваемого периода. Именно с таким пониманием следует относиться к анализу, приводимому нами ниже.

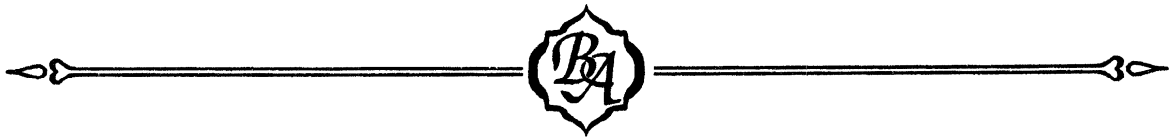
После присоединения в XVI веке Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, а также части Ногайской орды границы России на обширном пространстве стали соприкасаться с Казахским ханством. Новые российские города Гурьев, Уфа – в Приуралье, Астрахань, Царицын (ныне Волгоград), Саратов, Самара – в Поволжье, Тобольск, Тюмень, Тара – в Сибири и др. – становятся центрами русско-казахских контактов. Эти контакты не были регулярными и носили преимущественно торговый характер. Однако имели место также дипломатические сношения и военные столкновения.

В XVII столетии в зонах контактов с казахами появляются новые русские города и поселения: Царёво Городище (ныне Курган), Коркина слобода (ныне Ишим) – в Сибири, Яицкий городок (ныне Уральск) – на Урале. В начале XVIII века в Южной Сибири появились Бийск и Барнаул, на Урале – Оренбург (ныне Орск) и Новый Оренбург и ряд других городов и поселений, которые систематически контактировали с казахами и другими этническими группами. Более того, в этногенезе казачества, составлявшего основу пограничных поселений того времени, тюркский элемент, в том числе казахи, сыграл определённую роль¹.

Многие исследователи отмечают, что российские границы на востоке в тот период далеко не всегда были определены и/или закреплены международными договорами.

Сам термин «граница» начинает употребляться в российских документах в первой половине XIV века. В частности, об этом упоминается в договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом 1323 года. К 1730-м гг. сформировалась терминология организационных структур, обеспечивающих защиту и охрану границ государства: «застава» (ранее – «завора»), «засада», «караул», «станция», «стража», «таможня», «крепость». Словосочетание «государственная граница» начинает фиксироваться в конце XVIII века. В XIX веке в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) граница определялась как «предел, рубеж, отделяющий одну землю от другой. Границы государства. Старинное то же, что грань, порубежный знак»².

Пограничной черты на местности, как это имеет место быть на многих межгосударственных границах – со вспаханной полосой либо сплошными заборами и т.п. – в настоящее время, в тот период не было. Обычно

ставились деревянные или каменные знаки, чаще всего столбы, а иногда на росших деревьях просто делались зарубки, называвшиеся грянями и затёсами.

В качестве демаркационной линии – линии границы стран на местности – часто использовался термин «засека». Этим же словом обозначалось и оборонительное сооружение из крупных и средних деревьев, поваленных рядами или крест-накрест вершинами в сторону противника. При этом ветви используемых деревьев заострялись, становясь по сути копьями. Исторические документы свидетельствуют о наличии в XVII–XVIII вв. засек против западных монголов – джунгар – в Прииртышье³.

Лишь в некотором смысле аналогом засек можно рассматривать симы – маяки с секретными знаками из прутьев и растительных стеблей, которые одновременно представляли собой ограждения, направленные против «вторжений неприязненных кочующих племён внутрь линий». Следует отметить, что симы были устроены на всём протяжении пограничных линий с казахами как оренбургского, так и сибирского ведомств не сплошной полосой, а на опасных направлениях⁴.

Также в отношении границ с казахами российские власти, с подачи Коллегии иностранных дел, использовали термины «степные границы», «азиатская сторона», «Степь» и ряд других⁵, хотя активно использовались и понятия Казачья орда/орды, земли Киргиз-Кайсаков и т.п. словосочетания, имевшие привязку в первую очередь к основному населению, эксплуатировавшему эти земли, – казахам. В военном ведомстве использовалось также понятие «действительная граница»⁶, которая обозначала именно государственную границу с зарубежными странами, а не со странами и народами, находившимися в протекторате или вассалитете. Как ни странно, но к границе с казахами это понятие также иногда применялось, причём не фиксируется зависимости роста частоты употребления термина от роста напряжённости в отношениях.

Современное официальное толкование понятия «государственная граница» идентично у российской и казахстанской сторон

и сводится к следующему. Государственная граница – это линия и проходящая по ней вертикальная плоскость, определяющие пределы территории – суши, вод, недр и воздушного пространства⁷. В политологическом плане под границей понимают рамки, ограничивающие пространство, на которое распространяется национальный суверенитет. Способность государства обеспечивать неприкосновенность и защиту своих границ является показателем его силы и авторитета в международном сообществе.

Понятие «государственная граница» и ряд связанных с ним терминов и их понимание/трактовка субъектами права менялись в зависимости от исторического периода и нередко от географической привязки. Как показал российский исследователь К.В. Хахалин, такие понятия, как «государственная территория» и «суверенитет», эволюционировали. Минимум до конца последней четверти XVIII века понятие «государственная территория» трактовалось в качестве элемента вещного права, позволяя правителям передавать территорию по наследству, отчуждать, обменивать, получать в качестве наследства и т.п. Как и в классическом феодальном обществе, власть и собственность на землю были неотделимы. На рубеже XVIII–XIX вв. понимание «государственной территории» существенно трансформировалось. Оно перестало являться элементом вещного права и стало рассматриваться в качестве пространства, «в пределах которого державная власть существует и действует», т.е. осуществление властных полномочий на определённой территории было практически равнозначно суверенитету над нею. В первой половине XX века международное право стало включать в термин «государственная территория» собственность на эту территорию со стороны государства, причём это была «собственность особого рода», дополненная к тому же новым принципом международного права – правом наций на самоопределение, который стал сосуществовать и иногда противопоставляться принципам «запрещения угрозы или применения силы, а также неприкосновенности и целостности государственной территории»⁸.

В качестве рабочего определения понятия «пограничья» можно за основу принять определение, данное в «Политическом словаре»: «Примыкающие к границе территории, так называемые пограничные зоны, имеют не только особый правовой, но и геополитический статус. Здесь сходятся силовые векторы и концентрируются национальные интересы различных государств. В случаях, когда сходятся интересы крупнейших держав или их союзов, в качестве пограничных зон могут выступать целые государства, которые в геополитике называют буферными государствами»⁹.

Важно понимать, что государственная граница предполагает функцию регулярной или, лучше, постоянной охраны. Как же этот вопрос решался русскими властями и казахскими правителями?

В XVI веке в Московском царстве возникла сторожевая, станичная и полевая служба, основной задачей которой являлась не только охрана границы, но также разведка и сельскохозяйственная колонизация пограничных территорий¹⁰. В 1571 году был издан «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». На западных окраинах, а затем и на южных рубежах страны охрану в этот период преимущественно несли регулярные войска. На восточных границах долгое время основное бремя охраны границы, совмещённое с возможностью осуществления набегов на соседей, несли казаки (волжские, уральские, сибирские). Регулярных войск здесь было значительно меньше.

Лишь 5 августа 1827 года император Николай I утвердил Положение об образовании в России таможенной пограничной стражи, основанной на воинских началах. Это считается датой создания пограничной службы в России. Первоначально эта служба занималась борьбой с контрабандой, но в скором времени была наделена и другими полномочиями, присущими пограничным службам настоящего времени¹¹.

В лексике казахов понятие «граница» также существовало¹². По мнению К.Ш. Хафизовой, у казахов вопрос охраны границ решался в этот период следующим образом. У них не существовало чёткой линии гра-

ниц, не было и нужды её охраны по всему периметру. «Оставлялись лишь небольшие отряды на важных речных и горных переходах, караванных путях, которые служили одновременно маршрутами для военных походов. Самые близкие к границам стойбища кочевников бдительно следили за появлением признаков появления чужих...». Старшины аулов сообщали в случае необходимости об угрозе военного вторжения¹³.

В 1574 году был заключён первый договор о беспошлинной русско-казахской торговле¹⁴.

В период правления царя Фёдора Иоанновича был заключён договор с казахским владельцем Тевеккелем (Таукель-ханом) о совместных действиях против сибирского хана Кучума и среднеазиатского правителя Абдаллах-хана II¹⁵. Более того, в рамках сохранившейся переписки и документальных свидетельств поднимались вопросы развития торговли, охраны караванов, принятия в подданство Московского царства: «чтоб Тевкель-царь и братья его царевичи все были под царскою рукою, а государь царь и великий князь учнёт их ото всех их недругов уберегати, и стояли бы они на бухарского и на Кучюма-царя»¹⁶. В качестве гарантии казахский правитель обязывался прислать в качестве аманата своего сына Усеина, а московский царь принимал обязательство выплачивать казахскому правителю и ряду его родственников и приближённых жалованье. Кроме того, царь брал обязательство направить в Самару войска для совместного с казахами вооружённого выступления против отложившегося от Московского царства бывшего сибирского хана Кучума¹⁷.

Поражение Кучума рассматривалось московским двором в качестве причины автоматического вхождения всех территорий и населения бывшего Сибирского ханства в состав России. В частности, входящими в состав государства указаны территории бассейнов рек Оби и Иртыша. Об этом свидетельствует дипломатическая переписка того времени¹⁸. Более того, при царе Фёдоре Иоанновиче в сношениях с западноевропейскими монархами казахов также причисляли к подданным московского царя¹⁹. Причём

апеллировали именно к договорённостям с Таукель-ханом. В частности, на переговорах 1595 года с послами императора Священной Римской империи Рудольфа II подчёркивалось, что среди «новоприобретённых государств», вошедших в состав России, значатся «Казатцкие орды, Тявка салтан»²⁰. Позднее, в 1613 году, уже при царе Михаиле Фёдоровиче Романове, в переписке с европейскими государствами подчёркивалось, что, несмотря на Смуту, восточные царства, вошедшие в состав России в конце XVI века, остались в составе Московского государства: «...тамошние землицы, которья при Царе Фёдоре Ивановиче всеа Руси, при Царе Борисе [Годунове] приложились под их Государеву руку к Московскому Государству, от Российского Государства отпущены не были». Среди входивших в состав России владений вновь указывалась «Казатцкая орда»²¹.

Речи о разграничении владений между Московским царством и казахским ханством в документах XVI века не велось. Т.е. разграничения на карте – делимитации – не было никакого, обозначения на поверхности земли – демаркации – также не было, хотя так называемые естественные границы – горы, реки, озера и т.п., – несомненно, существовали и могли восприниматься в качестве условных границ.

Казахское ханство (а зачастую Казахские ханства) этого периода представляло собой этнополитическое объединение, внешние границы которого были условными. Достигнув достаточно больших размеров при Касим-хане, оно вновь сужается при его преемниках. При Хакк-Назаре оно достигает своих максимальных размеров, но затем вновь его территория резко сокращается и на рубеже XVI–XVII вв. охватывает лишь Семиречье. Такая ситуация постоянного изменения внешних границ Казахского ханства обуславливалась как внешнеполитическими факторами, так и в первую очередь особенностями кочевого технологического способа производства. По признаку условных внешних границ (территории во владении подвластного населения) Казахское ханство можно охарактеризовать как пульсирующее образование.

На протяжении всего XVII века казахи вели борьбу за среднеазиатские города с Аштарханидами, Шейбанидами, Тимуридами, а также с эмирами и беками, не принадлежавшими к этим фамилиям. Борьба за обладание городскими центрами разворачивалась и между казахскими владельцами – ханами и султанами. Наиболее значимыми городскими центрами, которыми относительно долго владели казахи, были Ташкент, Туркестан, Сайрам (до его разорения джунгарами в 1664 г.), Сыгнак и ряд других.

Во второй половине XVII века акцент внешнеполитической активности постепенно переносится на казахско-джунгарские отношения. Созданное Батуром-хунтайджи в 1635 году Джунгарское ханство отличалось более высокими по сравнению с Казахским ханством уровнями организации и централизации управления и концентрации власти в руках верховного правителя. В отличие от борьбы со среднеазиатскими правителями, где стоял вопрос о владении городскими центрами и путями движения караванов, борьба с джунгарами разворачивалась за пастбищные угодья, поскольку западные монголы, как и казахи, были по преимуществу кочевниками-скотоводами. В этой связи соперничество носило более жестокий характер. Долгое время борьба шла с переменным успехом, однако в конце XVII века джунгары смогли закрепить за собой ряд юго-восточных территорий кочевий, прежде эксплуатировавшихся казахами. Причинами постепенного перевеса в сторону западных монголов являлись более высокий уровень организации внутреннего управления и войсковой дисциплины, подчинение Джунгарией Уйгурских бекств, а также внутренние усобицы среди казахских владетелей²².

Относительной стабилизации казахско-джунгарские отношения достигли в начале XVIII века, в годы правления казахского хана Тауке (1680 – около 1715/18 гг.). При нём были предприняты попытки кодификации обычного права казахов (Жеті Жаргы), в значительной мере урегулированы внутренние противоречия между султанами, в жузах, племенах, родах и среди зависимых от казахов иноэтничных групп были поставле-

ны/избраны бии, полномочия и функции которых приближались к официальным должностям. Фактически была предпринята попытка централизации системы управления по образцу, аналогичному джунгарскому. Однако она не увенчалась успехом, и уже последние годы правления Тауке сопровождались нарастанием усобиц в Казахском ханстве, которые усилились при его преемниках. Временным успехам казахов в их борьбе с Джунгарией способствовали вспыхивавшие в последней междоусобицы и мятежи, а также напряжённые отношения Джунгарии с Цинским Китаем, отвлекавшие джунгарские силы²³.

Во время перемирия с Цинами джунгары во главе с Цэван-Рабданом вторгаются крупными силами в кочевья казахов и в 1723–1727 гг.²⁴ наносят ряд сокрушительных поражений их ополчениям. Этот период в истории казахского народа получил название Актабан шубырынды или Алкаколь сулама. Это вторжение отличалось от предыдущих не только масштабами грабежа, но и тем, что джунгары не намеревались уходить с захваченных территорий, приступив к их хозяйственному освоению. Только к 1729–1730 гг. казахам во главе с ханом Младшего жуза Абулхаиром и бытырами Кабанбаем, Раимбетом, Джанибеком и другими удалось нанести ряд поражений джунгарам, вытеснив их в прежние пределы. Но уже в 1735 году казахи Старшего жуза вновь попадают в зависимость от Джунгарии, причём она существует в той или иной форме вплоть до уничтожения Джунгарии Китаем (1755–1758 гг.)²⁵.

Во второй четверти XVIII века джунгары представляли определённую угрозу и для казахов Младшего и Среднего жузов²⁶, что, по мнению большинства исследователей, стало одной из основных побудительных причин инициирования казахами процесса присоединения к Российской империи. Более того, какое-то время часть казахов Среднего жуза также обязывалась платить дань в пользу хунтайджи в размере 1 корсака с юрты в год, являясь параллельно российскими подданными. Некоторые казахские султаны отдали своих детей в аманаты (заложники) джунгарам. Известно, что в качестве аманатов в

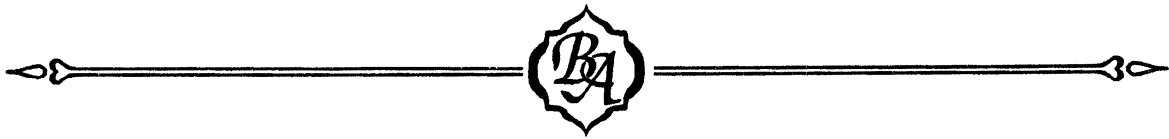
ставке джунгарского правителя какое-то время находились будущие ханы Среднего и Младшего жузов Аблай (Абилмансур) и Айчувак (Айшуак).

Столкновения с западными монголами влияли на расселение казахских племён и родов. Так, в 1720-х гг. под давлением джунгар около 30 тыс. казахов Младшего жуза перешли Эмбу и приблизились к Яику; они расселились также по Тоболу и его западному притоку Ую, войдя в тесное соприкосновение с подданными России башкирами²⁷.

Российское общество в XVIII веке вступило в полосу политической и социально-экономической модернизации. Развитие и расширение промышленного производства сопровождалось расширением территорий. Всё это требовало серьёзных финансовых вложений. Одним из вариантов решения этого виделось развитие международной торговли.

В период Северной войны Пётр I стремился поставить под контроль России трансконтинентальные торговые маршруты, проходившие через Центральную Азию. Кроме того, определённый интерес для казны представляли вопросы объясачивания местного населения и поиска полезных ископаемых, в первую очередь драгоценных металлов и камней. В качестве магистрального направления государем было определено движение сухопутным путём к Индийскому субконтиненту. Для определения вероятных маршрутов караванной торговли в Азию было послано несколько экспедиций, наделённых широкими полномочиями. «Воротами в Индию» считали Персию и Казахстан²⁸, которые рассматривались в первую очередь в качестве территории транзитной торговли²⁹.

В 1714 году сибирский губернатор князь М.П. Гагарин доносил государю о больших запасах месторождений самородного золота в районе Яркенда. Пётр I распорядился снарядить новые экспедиции вверх по Иртышу³⁰. Их численность не превышала 3 тыс. человек, первую возглавил И.Д. Бухгольц³¹. Отличием иртышских экспедиций было не просто продвижение в Центральную Азию, но и закрепление за Россией новых территорий посредством строительства укрепленных пунктов.

В инструкции, данной Гагариным, говорилось: «И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыше у Ямышева озера, и оттоль, усмотря, где надлежит, делать и иные городы»³². Экспедиция Бухгольца основала укрепления Ямышевское и Омское, однако в 1716 году из-за противодействия со стороны джунгар она вернулась обратно. В 1715–1720 гг. в этом же направлении был снаряжён ещё ряд экспедиций, которые основали укрепления Железинское, Семипалатное и Усть-Каменогорское. Дальше всех смогла проследовать экспедиция И.М. Лихарёва. Достигнуть Яркенда она так и не смогла, однако удалось закрепиться в Среднем Прииртышье, причём здесь Россия столкнулась не только с Джунгарией, но и с казаками³³.

В 1724 году император Пётр I удовлетворил просьбу сибирских властей об охране пограничных поселений по Ишиму, куда вкочевали казахи, совершившие ряд нападений на русские поселения, «и Его Величества людей конечно разоряют, в полон увозят и побивают, хлебы, сена жгут и оным неприятелем в таковой близости всеконечно кочевать не надлежит». Для охраны пограничных крепостей и слобод было решено использовать драгунский тысячный полк, три ишимские роты и ещё один полк переселить в остроги близ городов, так как «одним полком надёжность охраны поселений обеспечена не будет»³⁴.

В 1732 году сибирский губернатор А.Л. Плещеев доносил императрице Анне Иоанновне, что требуется дальнейшее укрепление границ сибирских владений, в первую очередь на границе с джунгарами и китайцами. Совместно с П.И. Батуриным он сообщал, что имевшихся к тому моменту трёх пехотных полков, неполного драгунского полка и иррегулярных войск для надёжной защиты границы недостаточно. Также, по их мнению, требовалось усилить гарнизоны на границах с казаками, поскольку с лета 1731 года «и поныне Казачья орда к границам сибирским наезжает всегда, да ис оного ж драгунского полка две роты в командировках: одна на китайской границе, другая в Сибирском Обер-Бергамте»³⁵, а Якуцкой полк на китайской границе, из двух

полков пехотных из Тоболского и Енисейского содержат Иртышские крепости и Сибирской Обер-Бергамт и бывают в непрестанных командировках за разными Вашего Императорского Величества делами в разных местах»³⁶.

Таким образом, на раннем этапе освоения территории охрану границ на Сибирских линиях российские власти поручали преимущественно регулярным войскам.

Как можно проследить по материалам российских письменных источников XVII – начала XVIII века, казахи периодически кочевали на левой и правой сторонах Иртыша, по его притокам, иногда заходили и гораздо дальше на север и восток. Вместе с тем данных о том, что русские пограничные укрепления находились в постоянном соприкосновении с казаками, нет. Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, кочевым способом ведения хозяйства казаками, перемещавшимися в течение года по территории кочевий, в том числе в меридиональном направлении. Во-вторых, тем фактом, что казахи находились в сложных отношениях с другим кочевым народом – джунгарами, которые также кочевали в данном районе. О том, с кем же столкнулись русские отряды, когда основывали укрепления по Иртышу, и тем самым де факто создавалась новая граница, можно судить по следующим фактам.

Сибирские летописи, весьма подробно описывавшие торговые отношения и набеги казахов на владения русских в Сибири, не фиксируют присутствия казахов на южных рубежах Тобольской провинции на рубеже XVII и XVIII веков³⁷.

В конце 1718 года казахский хан Каип писал Петру I, что «те воры (джунгары. – А.Б.) живут от нас в дальном разстоянии, например, к Вашему (российскому. – А.Б.) владению ближе»³⁸.

Именно джунгары во втором десятилетии XVIII века несколько раз осаждали построенные россиянами укрепления. В 1716 году джунгары после продолжительной осады овладели остатками Ямышевской крепости³⁹.

Более того, по вопросу принадлежности Иртыша царское правительство и сибирские губернаторы и командиры расположенных

по Иртышу русских крепостей и экспедиций вели неоднократно переговоры именно с джунгарами.

Так, в 1719 году майор Лихарёв направил на переговоры с правителем Цэван-Рабданом казачьего голову И.Д. Чередова. Помимо прочего, ему ставились задачи постараться урегулировать отношения с джунгарами, обострившиеся в результате начала строительства крепостей по Иртышу, по возможности договориться о возобновлении торговли и о безопасном поиске россиянами месторождений драгоценных металлов, а также донести позицию российского правительства, что Ямышевская крепость находится «на земле Российской, и Иртыш с устья до вершины российской, а города стоят не для ссоры с ним»⁴⁰.

Джунгарский правитель дал согласие на развитие торговли и поиск месторождений, но не признал вновь построенные крепости законно расположенными. Он, в частности, заявил Чередову, что Ямышевскую крепость построили, «границы и засеки преступя», и «он посылал Черен-Дондука спросить о том строении и из той крепости бой учинили, и Бухолц Черен-Дондуку через толмача говорил, что, границы и затёсы преступя, город поставили по приказу князя Гагарина». Кроме того, Цэван-Рабдан выразил надежду, что российские власти окажут ему содействие в борьбе с китайцами, позволят собирать подати с сибирских народов, с которых джунгары собирали ясак прежде, а также не будут принимать к себе «беглых от ево калмыков»⁴¹.

Вновь вопрос о спорных территориях сибирского ведомства с джунгарами был поставлен преемником Цэван-Рабдана – Галдан-Цэреном, который в 1742 году потребовал снести российские крепости по Верхнему Иртышу, ссылаясь на договорённости прежних правителей двух стран, которые якобы «согласились те места разграничить, и тако по устью Чёрной Оми»⁴² постановили границу и учинили во знак той границы засеку с таким договором, чтоб от того времени со обеих сторон никому в чужих местах зверей не ловить и крепостей и других жилищ не строить»⁴³. Т.е. потребовал снести

все крепости от Омска включительно выше по Иртышу.

Галдан-Цэрен направил четыре делегации с устными и письменными требованиями. Все территориальные претензии джунгарского правителя российской стороной были отвергнуты. Более того, в 1743 году было удовлетворено предложение глав оренбургского и сибирского ведомств И.И. Неплюева и А.М. Сухарева «о зделании пограничной линии для закрытия от зюнгорцов (джунгар. – А.Б.) по Иртышу до Семиполатной крепости и оттуда до Телецкого озера» на Алтае⁴⁴. В 1744 году Правительствующий Сенат отдал соответствующие указания генерал-майору Х.Х. Киндерману⁴⁵.

Джунгарский хан Цэван-Рабдан в своём обращении к сибирскому губернатору А.М. Сухареву также настаивал на срытии крепостей по Иртышу и возврате джунгарам их земель. На это последовало очередное распоряжение об усилении охраны границ с джунгарами⁴⁶. В ответном письме джунгарскому хунтайджи сибирский губернатор указал: «А что вы ту землю, на которой Семиполатная и Ямышевская крепости построены, своею называете, то с вашей стороны едва ли доказано быть может, ибо известное дело есть, что как сии, так и другия приграничные крепости из давних времен на собственных российских землях, а не чужих построены»⁴⁷.

Претензии джунгарских правителей на Прииртышье продолжали поступать до момента ликвидации Джунгарского государства. Хотя следует отметить, что имело место и обращение мятежного Амурсаны к российскому правительству о строительстве ещё одного русского укрепления в районе озера Зайсан, к охране которого и границ с китайцами могли бы быть привлечены джунгары⁴⁸.

Китайские власти после разгрома Цинами Джунгарского ханства также несколько раз входили в дипломатическую переписку, считая Прииртышье и ряд других районов спорными, поскольку, по их мнению, эти земли должны были принадлежать Китаю как государству-победителю. Более того, часть казахов на основании того, что те платили какое-то время дань джунгарам, также автома-

тически стала рассматриваться китайскими властями своими подданными. Другим аргументом являлось то, что ряд казахских владельцев принял от китайского правительства титулы и чины⁴⁹. Последние принимались казахами не в последнюю очередь ради возможности ведения беспошлинной торговли, в том числе контрабандными российскими товарами, ввоз которых в Китай периодически запрещался китайским правительством.

Более того, Цины пытались принудить часть казахов признать зависимость силой, что побудило казахских султанов искать защиты в Прииртышье, близ российских крепостей. Так, в 1762 году именно по этой причине здесь находились хан Абулмамбет, султаны Аблай, Салмет, знатные старшины Кульсара и Кулёк с подвластными им казахами⁵⁰.

Джунгарские правители неоднократно обращались к казахам за поддержкой в вопросе о принадлежности прииртышских земель. Так, в 1744 году хунтайджи Галдан-Цэрен писал влиятельнейшему казахскому султану Среднего жуза Бараку, «дабы они с ними были заодно, возбуждая их сим, что российские люди завоевали у них, зенгорцев (джунгар. – *А.Б.*), реку Иртыш, а от них, киргис-кайсак (казахов. – *А.Б.*), отняли Яик и построили свои крепости; а впредь де могут и так далеко завладеть, что к кочеванию и места им не останется»⁵¹. Султан Барак ответил, что русские не вредят казахам, напротив, «от производимого с ними купечества и немалую пользу получают»⁵². Такие же обращения от джунгарского правителя получали в то время и другие правители Среднего и Младшего жузов, в том числе хан Абулхаир.

Позднее хивинские ханы обращались к казахам с предложением запретить русским въезжать в степные районы, населённые казахами, чтобы тем самым предотвратить строительство новых укреплений, «которые предзнаменуют будто бы для киргизов (казахов. – *А.Б.*) большие несчастья»⁵³.

В рамках подготовки Степного положения (1891 г.) российские власти собрали значительный материал по взаимоотношениям с казахами. Был затронут и вопрос о принадлежности Прииртышья в первой половине XVIII века, по которому было констатирова-

но следующее: «При устройстве в начале XVIII столетия крепостей по рекам Оми, Ишиму и Иртышу земли, прилегающие к этим рекам с юго-восточной стороны, входили в состав Джунгарского ханства. Однако ещё в первой половине упомянутого столетия на этих землях кочевали и киргизы (казахи. – *А.Б.*) Средней орды, бывшие таким образом нашими непосредственными соседями»⁵⁴.

Казахские владельцы вступили с сибирским губернатором в дипломатические сношения, вылившиеся в переписку и ряд делегаций. Итогом переговоров стало обращение казахских хана и султанов с просьбой о присоединении к Российскому государству. В 1716–1718 гг. казахи также инициировали ряд предложений о заключении военного союза против джунгар, о развитии русско-казахской торговли, о взаимной выдаче преступников и др. Первое такое предложение было сделано Каипом 13 сентября 1716 года. Затем последовало ещё несколько обращений, включавших вопросы торгового и военно-политического взаимодействия⁵⁵.

Позднее с такими же предложениями обращались Абулхаир-хан, Мамай-султан и другие представители казахской знати⁵⁶. Российская сторона в переговорах настаивала на ряде обязательных условий: свободном пропуске караванов через населённую казахами территорию, а в идеале и их охране, выдаче пленных россиян, отказе от нападений на русские поселения и российских подданных⁵⁷.

С 1725 года казахские владельцы отправили к российскому двору несколько посольств, причём в этих переговорах уже поднимается вопрос о вхождении казахов в состав империи. Пётр I, не желая усиливать противоречия с джунгарами, этот вопрос решил отрицательно⁵⁸. В то же время Россия стремилась дипломатическими средствами смягчить нажим на казахов со стороны Джунгарии. Следующее посольство казахского хана Младшего жуза Абулхаира было отправлено в Петербург в 1730 году, и 19 февраля 1731 года императрица Анна Иоанновна подписала указ о приёме казахов в состав Российской империи⁵⁹.

Казахи априори рассматривались российским правительством в статусе находившихся под полной юрисдикцией России, т.е. «подданными». С 1771 г. «верноподданными» стали именовать казахов, кочевавших во внутренних районах империи; кочевавших во внешних районах (позднее – округах) – «неверноподданными»⁶⁰.

Принятие в подданство казахов, с точки зрения внешнеполитической заинтересованности России, имело своей целью установление дополнительного противовеса Джунгарии и должно было ослабить претензии последней на сибирские территории империи⁶¹.

Значительная часть казахской знати видела в присоединении к России возможность развития торговых отношений, вплоть до использования института двойного подданства для получения прибылей от торговли с патрионирующими государствами, которые зачастую находились в неприятельских отношениях друг с другом, соперничая, в том числе, и из-за новых подданных⁶².

Большинство казахов воспринимали добровольное подданство как военный и политический союз с Россией, своеобразное покровительство, которое должно было обеспечить степнякам мир и благополучие. Они придерживались мнения, что русские не будут стеснять свободу кочевников и причинять тем самым им вред, а подданство, коль оно добровольное, может быть прервано в одностороннем порядке в любой удобный для казахов момент⁶³. «Наконец, ордынцы поступали в наше подданство в полной уверенности, что правительство будет постоянно следить за их нуждами и если поведёт их к гражданственности, то путём не насильственным, а мирным, тихим»⁶⁴.

В то же время различные слои казахского социума неоднозначно относились к факту принятия подданства. Пророссийская ориентация была характерна в то время для значительной части казахских биев. В противовес им определённая часть султанов Жадигидов рассматривала приведение к присяге на верность в качестве «приведения в неволю».

(Окончание следует)

Примечания

¹ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник ВолгГУ. Сер. 4. Вып. 10. 2005. С. 68-69.

² См.: Граница: понятие и термины // Отечественные записки. 2002. № 6 // <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/granicza-ponyatie-i-terminy.html> (обращение 27.09.2021).

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 113/1. 1742 г. Д. 2. Л. 160об. и др.

⁴ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1867. С. 6.

⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 2.

⁶ См.: Венюков М.И. Обзорение русско-азиатских границ. Б.м., 1873. С. 27.

⁷ См.: Закон РК «О Государственной границе Республики Казахстан» от 16.01.2013 с изменениями от 29.06.2021 // Пограничная служба КНБ Казахстана (официальный сайт) // <https://gov.kz/memleket/entities/shekaraknb/documents/details/adilet/Z1300000070?lang=ru> (обращение 24.09.2021); Закон РФ от 1 апреля 1993 г. N 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/10103372> (обращение 24.09.2021).

⁸ Хахалин К.В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии и трансформация международно-правовой характеристики «государственной территории» // Вестник исторической географии. № 2. М.–Смоленск: Изд-во «Ойкумена», 2001. С. 42-43.

⁹ Граница государственная // Политический словарь // https://gufo.me/dict/politics_dict/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F (обращение 24.09.2021)

¹⁰ Из истории установления и оформления государственной границы России и становления службы по её охране // Официальный сайт Пограничной службы ФСБ России // <http://ps.fsb.ru/fps/history/general/text.htm%21id%3D10320625%40fsbArticle.html> (обращение 24.09.2021).

¹¹ Надарин Э.С. Формирование и реформы пограничных органов федеральной службы безопасности (историко-правовые аспекты) // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. С. 6-7.

¹² Граница (рус.) – шекарасы (каз.) – shekarasy (каз.) – border (англ.). Государственная граница (рус.) – мемлекеттік шекара (каз.) – memleketтік shekara (каз.) – state border (англ.).

¹³ Хафизова К.Ш. Проблемы исследования международных отношений Казахских ханств // *Qazaqstan tarihy*. Июнь 2004. № 6(18). С. 110. <https://e-history.kz/ru/library/read/24141> (обращение 24.09.2021). Спорен тезис автора о том, что кочевники не держали постоянных отрядов для охраны границ. У джунгар такие отряды в XVIII в. существовали, в том числе на границах с русскими владениями.

¹⁴ Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. СПб., 1907. С. 7.

¹⁵ Абусеитова М.Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI века // *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках*. Алма-Ата, 1983. С. 165-177; Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 29-33.

¹⁶ КРО-1. Док. № 5.

¹⁷ КРО-1. Док. № 6.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 32.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 35об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 286. Тетрадь XI. Т. II. Л. 92–92об.

²¹ ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 36.

²² Более подробно см.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. (1635–1758 гг.). М., 1964; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 и др.

²³ См.: Моисеев В.А. Казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. // *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках*. Алма-Ата, 1983; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 и др.

²⁴ Ряд исследователей рассматривают иные хронологические рамки Актабан шубырынды, а именно: 1723–1725 гг., или 1723–1729 гг., или 1723–1730 гг., но указанная в основном тексте датировка наиболее часто встречается в работах современных авторов.

²⁵ См.: Моисеев В.А. Трудные годы // *История Казахстана: Белые пятна / Сост. Ж.Б. Абылхожин*. Алма-Ата, 1991. С. 5-25; Тынышпаев М. Годы великого бедствия // Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 155-172 и др.

²⁶ Моисеев В.А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30–40-х гг. XVIII в. // *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках*. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 177-191.

²⁷ Бижанова М.Р. Башкиро-казахские отношения в XVIII веке // *Вестник Башкирского университета*. 2006. Т. 11. № 4. С. 146.

²⁸ В данном случае Казахстан используется авторами не в качестве политико-правового, а в качестве географического понятия.

²⁹ См., напр.: КРО-1. С. 31; Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853. С. 1-48; Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978. С. 21-29 и др.

³⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 3. Л. 144–147об.

³¹ «...отправлено с подполковником Бухолцом драгун и салдат и других чинов, артиллерии и всякой амуниции и полковых припасов в поход в 715 году: драгун и салдат 2862 человека. Мастеровых людей 70 человек... Пушек медных: старого литья 5, да вновь вылиты две шестьфунтовых, 6 3-фунтовых. Мартир пудовой 14. Мартир 60-фунтовых, ценою, кроме старых, 3218 рублей 11 алтын 4 денги. Чюгунных 25 пушек». См.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39. С. 130-131. Другие источники приводят немного другие данные, а именно, что в экспедиции Бухгольца участвовало 2982 человека. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 3. Л. 152об. Вместе с тем, первые данные – 2862 человека – нам представляются более достоверными, поскольку в документе даётся полная опись имущества и штатного состава экспедиции; кроме того, автор документа вызывает большее доверие, так как был участником событий.

³² Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713-1724. СПб., 1885. С. 135. Док. № 39.

³³ См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 4. Л. 192об.–197; Памятники сибирской истории... Кн. 2. С. 126-422. Док. № 39-97; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 22-40 и др.

³⁴ Памятники сибирской истории... Кн. 2. Док. № 106. С. 443.

³⁵ Обер-Бергамт – учреждение, управлявшее сибирскими горными заводами, рудниками и приисками в первой половине XVIII в.

³⁶ Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлече-

ния / Отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул, 2006. Док. № 44. С. 62-63.

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 2, 3.

³⁸ КРО-1. Док. № 22.

³⁹ Крепость была скрыта самими защитниками перед выходом из нее в апреле 1716 г. Через полгода она была восстановлена отрядом во главе с подполковником Матигоровым.

⁴⁰ Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Док. № 12. С. 23. Следует обратить внимание, что принцип владения рек от устья до истока был характерен для русского внешнеполитического подхода на Востоке в XVII–XVIII в. целом, а не только по отношению к владениям по Иртышу.

⁴¹ Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Док. № 12. С. 24.

⁴² Правый приток Иртыша, протекает по территории современных Омской и Новосибирской областей Российской Федерации.

⁴³ Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Док. № 56. С. 77-78.

⁴⁴ Там же. Док. № 61. С. 85.

⁴⁵ Там же. Док. № 68-70, 88. С. 97-105, 134-140.

⁴⁶ Там же. Док. № 92-93. С. 144-148.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1750 г. Д. 1. Л. 150–150 об.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113. 1757 г. Д. 6. Л. 45.

⁴⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. 1884-1891 гг. Д. 3. Л. 422об.–423; Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 72–74; Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб., 1887. С. 20 и др.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 27об.

⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255.

⁵² РГИА. Ф. 1343. Д. 187. Л. 13об.

⁵³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 32. Л. 361.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 422–422об.

⁵⁵ См., напр.: РГАДА. Ф. 122. 1718 г. Оп. 2. Д. 2 и др.

⁵⁶ Памятники сибирской истории... Кн. 2. Док. № 41. С. 152-166.

⁵⁷ РГАДА. Древнехранилище. МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г.; Памятники сибирской истории... Кн. 2. Док. № 41 и др.

⁵⁸ В то же время император Пётр I полагал важность казахских территорий для развития транзитной торговли и развития контактов со странами Средней и Южной Азии и Дальнего Востока, отмечая что «хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая степной и лехкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять». КРО-1. Док. № 22.

⁵⁹ См.: Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л., 1941; Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Рукопись. Алма-Ата, 1966; История Казахской ССР. В 5 томах. Т. 3. Алма-Ата, 1979 и др.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 18об.–19об.

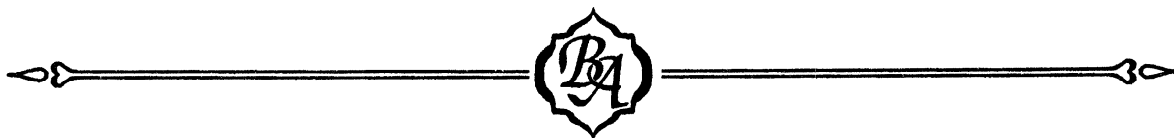
⁶¹ Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 76.

⁶² Так, казахи продавали русские товары китайцам, а китайские – русским, пользуясь торговыми привилегиями в обоих государствах. См., напр.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989. С. 95. Док. № 230. Аналогичным образом поступали алтайские двоedanцы. См.: Боронин О.В. Двоedanничество и двоedanство тюркских народов Южной и Юго-Западной Сибири XVII – 60-е гг. XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Барнаул, 2000. С. 29.

⁶³ Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 19.

⁶⁴ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 68. 1858 г. Л. 5.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-1-45-54

А.Ю. Быков, С.Б. Кожирова

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-КАЗАХСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVI – начало XIX века)

(Окончание. Начало см: «Восточный архив», 2022, № 2)

Вопрос о строительстве русскими городов в приграничье и на территории казахских кочевий трактовался казахскими владельцами по-разному. Если владельцы Младшего жуза в целом поддерживали строительство укреплений и иногда сами входили в правительство с просьбой об этом, то у правителей Среднего жуза такого единодушия не было.

Например, существует свидетельство находившегося на российской службе Ахмета Кенесарина о том, что «пограничные русские власти» сибирского ведомства обращались к сыну покойного хана Аблая – Губайдулле, которого российские власти не признали в ханском звании, с предложением о постройке города в урочище Кокчетав. Однако он отказался, ответив так: «Я не согласен на постройку города. Лучше будем спокойно жить каждый на своём месте согласно письменному договору, заключённому между Аблай-ханом и Белым Царём»¹. Хотя тот же автор свидетельствует, что даже не все потомки Аблая разделяли эту позицию.

Более того, казахские владельцы – ханы Абулхаир и Каип – сообщали русским посланникам, что частью земель, которыми они стали владеть, они обязаны позволению российских властей кочевать на территориях, которые освободились после строительства русских укреплений против джунгар и ухода последних с этих земель. «Земля-де, на которой ныне они живут, была калмыцкого владения. Благодарствую-де много за его царского пресветлого величества милость, ныне-де, бутто, нас ею государь пожаловал и для промыслу-де зверей, також и в буграх древних вещей»².

Российские власти всякий раз рекомендовали «позволять» или «не позволять» местным властям кочевать близ границ³.

Первоначально одной из важнейших задач, стоявших перед первым административным органом, регулировавшим отношения с казахами после их формального приёма в подданство, – Оренбургской экспедицией (с 1737 г.), на базе которой позднее возникло губернское управление, – являлась охрана российских поселений от набегов казахов, для чего требовалось установить определённые границы, куда казахи кочевать не могли.

Сибирскому и оренбургскому губернаторам были делегированы широкие дипломатические полномочия. Они могли принимать иностранные посольства и направлять их. В их компетенции оказался пропуск послов в столицу или решение вопросов на месте, они даже обладали правами объявления войны. Ими же решался вопрос о возможности направления казахских делегаций в столицу. Сосредоточение определённых внешнеполитических функций в их руках связывалось как с затруднениями, вызванными сложностью оперативного управления из-за отдалённости восточных окраин от столицы Российской империи, так и стремлением «разгрузить» центральный аппарат Коллегии иностранных дел от ряда дипломатических контактов с азиатскими партнёрами, снизив, помимо прочего, тем самым расходы государственной казны на сопровождение и содержание посольств в Санкт-Петербурге. Для решения этих задач в Оренбурге и Омске были построены «посольские дома» для приезжающих представителей из казахской степи и посольств среднеазиатских ханств⁴ и был ассигнован соответствующий бюджет, расход которого жёстко контролировался Государственным советом⁵.

В 1741 году в Оренбурге был основан торг, где для привлечения среднеазиатских купцов таможенная пошлина по сравнению

с астраханской была на первые 10 лет снижена в три раза – до 1,5%⁶. Казахи были освобождены от торговой пошлины в Оренбурге, затем в Троицке и в сибирских городах⁷. Сибирские города Тобольск, Тара, а позднее и Тюмень ещё с XVI века получили льготу для среднеазиатских купцов. Долгое время караваны здесь вообще не платили пошлин⁸. Кстати, это обстоятельство вызывало серьёзное недовольство оренбургских властей, считавших, что это «отвлекает азиатцев» от оренбургского торгова⁹. С другой стороны, это же способствовало формированию в сибирских городах и рядом с ними, в том числе в так называемой десятивёрстной полосе, поселений среднеазиатских купцов. Здесь останавливались и китайские торговцы, а также вели торг казахи, иногда столь активно и регулярно, что сами оседали здесь же.

Пошлины с отдельных караванов могли превосходить годовой бюджет губернской администрации, что, помимо прочего, являлось одним из мощнейших стимулов содействия развитию торговли на местах.

Сближение владений Цинской и Российской империи в северо-западной части Центральной Азии во второй половине 1750-х годов привело к возникновению между подданными двух государств стихийной приграничной торговли, которая длительное время формально носила нелегальный характер. Основными центрами торговли китайскими товарами первоначально были Ямышевская и Семипалатинская крепости, где были созданы таможи¹⁰.

Торговля с казахами также была весьма прибыльной для русского купечества. Как свидетельствует А.И. Лёвшин, в XVIII веке в отдельные годы она могла достигать до 1 млн овец и до 50 000 лошадей¹¹. Причём примерно половина её приходилась на оренбургское, половина на сибирское ведомство, меняясь в отдельные кратко- и среднесрочные периоды.

Следует отметить, что российские власти пытались привлечь казахов не только к охране караванов и возврату пленных, но и к охране границ со степной стороны. Так, в указе Коллегии иностранных дел от 1759 года

отмечалось, что ежегодное жалование султану Аблаю в размере 900 руб. сер. выплачивалось в том числе и за то, что он привлекается «к охране границы со своим войском»¹². Аблай также пользовался возникшими препятствиями в виде границ, в том числе десятивёрстной полосы в Прииртышье, для укрепления своего влияния. Например, он взимал плату с казахов за перегон скота через Иртыш¹³. При этом казахские владельцы в зависимости от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры могли выступать как в качестве русских служащих, охраняющих границы и возвращающих пленных на линию, так и в качестве инициаторов и организаторов массового нарушения установленного российскими властями пограничного режима.

Вместе с тем в XVIII веке вопросы определения того, где должны жить казахи, де-факто утверждения границ с ними возникали регулярно.

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев¹⁴ и генерал фон Штокман разработали так называемый «запасной план», который был утверждён правительством 14 января 1744 года¹⁵. Он существенно корректировал российский правительственный курс в отношении юго-восточных рубежей. Запасной план представлял собой проект военного окружения казахских степей с запада и севера путём соединения военных линий и их поэтапного продвижения в глубь степи, а также концентрации на границе регулярных и нерегулярных войск¹⁶. Проект не мог быть воплощён в жизнь в краткосрочной перспективе, но стал стратегическим курсом более чем на столетие.

О весьма ограниченной возможности использовать силовые методы реализации решений российских властей можно судить по численному составу регулярных и нерегулярных войск на так называемых пограничных линиях. Общая протяжённость Яицких (Уральских) пограничных линий составляла в середине XVIII века 1780 верст¹⁷. Линии шли от Гурьева до Алабужского отряда на границе с Сибирским ведомством.

Казахские жузы рассматривались российским правительством в качестве обособ-

ленных административно-территориальных единиц, управление которыми прежде также производилось независимо друг от друга, но в 1759 году его впервые попытались унифицировать, подчинив сибирские войска «по заграничным делам» Оренбургскому генерал-губернатору¹⁸. Первая административная граница между территориями казахов Оренбургского и Сибирского ведомств была условно проведена на российских картах в 1805 году¹⁹.

О том, что граница с казахами рассматривалась в качестве не межгосударственной, а административной, свидетельствует специальное указание на это оренбургского вице-губернатора, первого российского члена-корреспондента Академии наук П.И. Рычкова, данное им в «Лексиконе, или Словаре топографическом Оренбургской губернии» (1776 г.): «Азиатская сторона называется степь, за расположенными по рекам Уралу, Ую и Тоболу линией, а хотя и называют иногда сии ж самые места за границей, но неправильно: ибо, полагая Киргизские (казахские. – А.Б.) орды в числе подданных народов, не могут они называемы быть Заграничными»²⁰.

Вместе с тем, есть множество примеров, нашедших отражение в письменных источниках различного происхождения и характера, что частью представителей местной администрации и казачества казахи зачастую приравнивались к представителям среднеазиатских государств того времени, т.е. практически к иностранцам. Даже административная лексика отразила эту двойственность в подходах российских властей.

В Сибирской губернии подполковник Кутузов в рамках реализации «запасного плана» разработал проект устройства и заселения новосёлами военных линий. Осуществление связанных с этим мероприятий было поручено начальнику Сибирских военных линий генерал-майору Х.Х. Киндерману. По предложенному им самим проекту к 1755 году на Тоболе и в приишимских степях были построены 11 крепостей и расположенные между ними 33 редута и 22 маяка. Новая линия получила название Пресногорьковской, или Горькой линии, по причине множест-

венного нахождения на её протяжении горько-солёных озёр.

Х.Х. Киндерман также руководил возведением укреплений Кольвано-Воскресенской линии, закрывшей Кольвано-Воскресенский горный округ девятью крепостями и 53 редутами²¹. На Иртышской линии к 1755 году располагалось пять крепостей, 10 форпостов, 29 редутов и 35 маяков²². В 1777 году для закрытия от китайского проникновения в Прииртышье была основана Бухтарминская линия.

Вместе с тем плотность русского воинского населения была чрезвычайно низкой. На трёх линиях – Горькой, Иртышской и Бухтарминской – в 98 укреплениях проживало всего 7 578 человек. Этого было явно недостаточно для выполнения возложенных на них задач охраны российских рубежей в Сибири. По настоянию И.И. Шпрингера в состав казачества, размещённого в этих поселениях, были зачислены также 138 запорожцев из партии Железняка и Жвачки, 200 преступников и около 2000 солдатских детей²³. Кроме того, в пограничные крепости набиралась на годичную службу городские казаки Тобольска, Тары и Тюмени, а также крестьяне, которых официально стали именовать сначала крепостными казаками, а потом выписными казаками²⁴.

Правительство и местные власти стремились увеличить численность русского населения в пограничье. Объяснялось это в первую очередь стремлением обезопасить юго-восточные рубежи. Век спустя, в отчёте по управлению Степным генерал-губернаторством за 1885 год, составленном Г.А. Колпаковским, резюмировалось, что вплоть до 1870-х гг. российская «колонизация Степного края имела цель только военно-политическую. С этой целью правительство возводило разного рода укрепленные пункты и вызывало из Европейской России крестьян, которых обращало в казачество для увеличения численности состава служилых людей и большего упрочения в Степном крае нашего господства»²⁵.

Преимущественно за счёт искусственного прироста русское мужское население, способное к воинскому делу, было увеличено

приблизительно до десяти тысяч человек, что составляет в среднем сто человек на одно казачье поселение. На одной из наиболее протяженных – Горькой – линии в начале XIX века проживало около шести тысяч казаков²⁶. На 1808 год – год официального образования Сибирского казачьего войска – общая численность казаков на Сибирских линиях определялась в 43 541 человек²⁷.

В 1815 году протяжённость Сибирских пограничных линий оценивалась в 2360 вёрст. К этому времени в Омске насчитывалось 10 330 человек, на Ишимской линии, включая жителей Петропавловска, проживало немногим более 14 тыс. человек. Общий состав служилого сословия составлял, таким образом, 19 640 душ мужского и 17 885 душ женского пола²⁸. Женщин было гораздо меньше ввиду того, что прирост происходил искусственно, а его источником, вполне объяснимо, были преимущественно способные к военной и земледельческой деятельности мужчины. Это не только предопределяло демографический дисбаланс, но и служило предпосылкой расширения межэтнических контактов посредством межэтнических браков.

Численность казахов Сибирского ведомства в начале XVIII века оценивалась российскими властями примерно в 0,5 млн человек²⁹. С увеличением количества казаков численность регулярных войск в Оренбургском ведомстве постепенно сокращалась, а в Сибири «число штатных крепостей уменьшено и полевые войска по вызову линейного начальника генерал-лейтенанта Лаврова во все выведены во внутренние губернии»³⁰, поскольку «по опыту многих лет [войск] оказалось слишком достаточно для сохранения тишины и порядка»³¹.

Строительство линейных укреплений сопровождалось созданием форштадтов – сельских поселений.

Каким образом российские власти охраняли границу с казахами? Помимо наличия регулярных и иррегулярных войск в крепостях и станицах, которые к тому же осуществляли надзор и за внутренним состоянием в поселениях, выполняя полицейские функции, для охраны границ на военных линиях

использовался режим разъездов: так называемых пикетов и караулов. В случае масштабных нападений на пограничные поселения русских и башкир со стороны казахов, в степь направлялись отряды для наказания виновных – так называемые «воинские поиски». Как отмечали современники, чаще всего наказывали не тех, кто совершал нападения, а тех, кто попадался на пути российских вооружённых отрядов, накаляя тем самым и без того весьма напряжённую обстановку. На рубеже XVIII–XIX вв. всё шире стали использовать стационарные «воинские посты и заселения на линии и в близком от оной расстоянии лежащие»³², хотя разъезды по-прежнему доминировали.

Охраной границ руководили высшие губернские власти, вплоть до генерал-губернаторов/наместников. Вместе с тем далеко не всегда они имели представление о реальной картине охраны границ и о ситуации, которая складывалась в приграничье³³. Если учесть протяжённость границы и количество тех, кто потенциально мог участвовать в её охране в невоенное время, в том числе тех, кто находился в крепостях, а их было абсолютное большинство, то получается, что в начале XIX века на один километр протяжённости степной границы приходилось в среднем менее трёх человек, которые осуществляли её охрану³⁴.

Одновременно проводилась политика введения «непрозрачных» для казахов-кочевников границ. В Сибири одно время такие действия российских властей увязывались с нежелательностью возможного казахско-джунгарского союза.

В 1764 году И.И. Шпрингер вновь запретил допуск казахов в десятивёрстное пространство Сибирских линий, объяснив этот шаг возросшими столкновениями между русскими и казахами на внутренней стороне Иртыша³⁵. Запрет продлился до 1788 года³⁶.

В инструкции от 1765 года, данной И.И. Шпрингером комендантам крепостей, указывалось на необходимость добиться того, «чтобы киргиз-кайсаки (казахи. – А.Б.), как сами кочёвкою, так и скотские их табуны держались своей стороны и до наших крепостей ближе десяти, а по крайней мере пяти

вёрст, со взятием от них лучших людей аманатами, отнюдь не приближались»³⁷. Казахи при этом в инструкции именуются «соседями» и приравнены к «заграничным народам». Одновременно русским запрещалось «выезжать за линии на степную сторону»³⁸.

Сама десятивёрстная полоса считалась российским правительством нейтральной территорией, а земли за нею рассматривались Сибирским казачьим войском в качестве «заграничных». Такой статус запрещал казакам основывать поселения в казахской степи за пределами десятивёрстной полосы³⁹.

Но запрет не был постоянным. По левому берегу Иртыша в начале XIX века казахи кочевали постоянно. Об этом, например, доносили представители Колывано-Воскресенского округа⁴⁰. В конце XVIII – начале XIX века российские власти давали разрешения казахам на кочевье в зимнее и летнее время и поселение в десятивёрстной полосе без всякой платы. Следующие ограничения были введены в 1800 году, когда стали взимать 1% скота за перегон через Иртыш, причём с 1815 года эти средства стали поступать непосредственно Сибирскому казачьему войску в качестве «ремонтной пошлины». Казахи, ссылаясь на то, что платят такой же по размеру ясак российскому правительству, от уплаты за перегон уклонялись. Только в 1824 году правительство подтвердило законность взимания платы за перегон скота на «внутреннюю сторону» и в десятивёрстную полосу⁴¹.

В результате многолетних взаимных набегов казахов, башкир и калмыков, а также неоднократных нападений казахов на русские поселения складывался отрицательный имидж казахского этноса в глазах российского правительства. В этой связи в правительстве всё чаще стали говорить о желательности изменения образа жизни кочевников, в частности, казахов.

Первым крупным проектом реформ, направленным на трансформацию кочевого уклада жизни казахов в пограничной зоне, имевшим рациональное обоснование и предусматривавшим конкретный план реализации, следует считать проект начальника Си-

бирской линии генерал-майора И.И. Веймарна⁴². Он был подан в Коллегию иностранных дел и обсуждался в ней в марте – мае 1762 года⁴³. Для полного подчинения казахов-кочевников российскому правительству И.И. Веймарн предусматривал создание условий для привлечения казахов к российским линейным укреплениям в такой форме, чтобы казахи искали постоянной защиты и покровительства со стороны России. В проекте предлагался новый и весьма конкретный алгоритм действий администрации: 1. оказывать всяческую «помощь и правосудие», разрешая кочевать близ российских границ; 2. возвращать казахам пленных, бежавших в русские лагеря, крепости и форштадты, вместе с их имуществом; 3. знатным казахам возводить за казённый счёт «хоромы» и разнообразные хозяйственные постройки; 4. заготавливать для казахов сено на зиму.

Внешние факторы продолжали оказывать самое серьёзное влияние на политику российских властей в приграничье. Исчезновение Джунгарского ханства и перенос центра противоречий между Цинской империей и Россией в Центральную Азию⁴⁴; стремление России расширить свои владения в Европе, и лишь в качестве сопутствующего фактора – расширение влияния на Востоке (за исключением русско-турецких отношений), сказались на окраинной политике властей в Оренбургском и Сибирском ведомствах.

Несомненно, что в конце XVIII века на поведение политических акторов в Российской империи оказала влияние Великая французская революция, ставшая одной из причин новых функциональных трансформаций колониальной политики. Казахи, со своей стороны, опасались возможности начала одновременных военных действий против них Россией и Китаем⁴⁵. В такой ситуации они вынуждены были подчиниться одной из сторон, найдя таким образом защиту от второй. Большая часть казахов предпочла российское подданство⁴⁶. Факторы внешнего кластера служили дополнительным стимулом реформирования колониального устройства, в том числе изменения статуса и хозяйственно-экономического состояния казах-

ского населения приграничья, которое рекомендовалось приучать к «людскости» и по возможности способствовать его переходу на оседлый образ жизни в приграничной полосе и крепостях, а также к принятию христианства, хотя последнее не было доминировавшим фактором в колониальной политике центральных и пограничных российских властей.

Как уже отмечалось, существовали специальные пограничные органы, в компетенцию которых входили вопросы урегулирования межэтнических конфликтов, частично – дипломатические функции по приёму иностранных посольств и делегаций (в первую очередь из Средней Азии и Джунгарии, реже – из Китая). Появлялись специальные органы, в названии которых фигурировало понятие «пограничный». Первые из них появились в Оренбургском ведомстве: Пограничная экспедиция, затем Пограничный суд и, наконец, Пограничная комиссия.

В 1816 году по аналогии с Оренбургской была создана Омская пограничная комиссия. Её основной задачей являлся разбор споров между казаками по их же просьбе. По мнению И.Ф. Бабкова, она стала прообразом созданной в соответствии с Уставом о сибирских киргизах 1822 года окружной системы управления⁴⁷.

Как было отмечено выше, в качестве границ обычно использовались естественные рубежи. Чаще всего ими были реки. В то же время с образованием десятивёрстной полосы в Прииртышье и формированием ряда аналогичных районов в Приуралье появляется необходимость установления ориентиров на местности, которые едва ли правильно именовать демаркационной линией. Более подходящим стоит рассматривать такое понятие, как межа, т.е. разграничение между административными единицами.

В XVIII веке существовали маяки и символы. В XIX веке после проведения первых крупных административно-территориальных реформ, выразившихся в том числе в создании округов и волостей, частей орды, дистанций, а несколько позднее и областей Сибирских и Оренбургских киргизов, возникла потребность в определении пределов терри-

ториальных образований. Казахи, которые стали проживать во внутренних округах и уездах, получили статус верноподданных, те, что проживали во внешних, т.е. за укрепленными линиями в глубине степи, – неверноподданных. Первым существенным опытом межевания на степной местности стала установка столбов по периметру Иртышской десятивёрстной полосы. «Ограничение производилось поручиком корпуса топографом Кокоулиным, который не прокладывал формальной межи, только наметил пограничную черту, поставил столбы на расстоянии 10 вёрст вглубь степи против каждого редута и описал встретившиеся при этом урочища, причём всю работу окончил в два месяца на всём 1500-вёрстном протяжении казачьих линий Иртышской и Горькой. Проведённая Кокоулиным грань получила в официальной переписке название “Кокоулинской черты” и долгое время, пока не утратились поставленные Кокоулиным столбы, служила рубежом между 10-вёрстным пространством и остальной киргизскою (казахскою. – А.Б.) степью»⁴⁸.

Таким образом, русско-казахское пограничье формировалось на протяжении почти 500 лет. При этом первый период его формирования оказался самым продолжительным по времени, завершившись лишь в начале XIX века, когда российские власти приступили к широкомасштабным реформам, направленным на введение нового административно-территориального управления в Степном крае с более широкомасштабной инкорпорацией казахов в имперские структуры и инфраструктуру. Он делится на два больших этапа, рубежом которых можно считать начало юридического присоединения к Российской империи (с 1731 г.).

В зоне взаимодействия казахи и российские подданные (кроме русских, также татары, башкиры, мещеряки, ногайцы, калмыки, алтайцы и состоявшие на российской службе представители европейских народов) по мере расширения географической границы соседства и уплотнения населения в пограничье неминуемо расширяли контакты между собой. Помимо спонтанных отношений мены, с XVIII века начался регулярный торг,

который постепенно становился частью международной торговли, обеспечивая сухопутный транзит европейских товаров из Западной Европы и России в Среднюю Азию; китайских же и частично персидских товаров, а также товаров, произведённых в Хиве и Бухаре, и казахского скота – в Россию и частично в Западную Европу.

Предпринимались первые попытки включения казахов в имперский бюрократический аппарат посредством создания специальных пограничных органов, часть служащих которого в обязательном порядке должны были составлять казахи и представители других нерусских народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

Значительную роль в формировании русско-казахского пограничья играли конфликты, возникавшие как между казахами и казачеством, так и между казахами и другими этническими группами, включёнными в разное время в состав Российской империи и имевшими разный политико-правовой статус. Именно конфронтационный компонент являлся на первых порах определяющим при формировании русско-казахской границы, которая не была закреплена договорами, но упоминалась во многих актах российского правительства. Первоначально она проходила по естественным рубежам: рекам Уралу и Иртышу и их притокам, озёрам и лишь незначительно по территориям без естественных указателей пределов владения. Постепенно эта граница стала смещаться вглубь степных районов.

Социально-политическими группами границы рассматривались в разном качестве. Так, для массы казахов появление русско-казахской границы продолжительное время не имело никакого принципиального значения, поскольку даже ограничения на перегон скота, которые следовали со стороны российских властей, мало чем отличались от прежних ограничений, накладываемыми системой взаимоотношений с другими государствами и народами. Ясак был невелик и долгое время собирался нерегулярно, подтверждая номинальность подданства, но даже не обеспечивая средств для покрытия расходов на содержание пограничной администрации.

Для значительной части традиционной казахской знати появление российских крепостей создало новые возможности расширения торгово-экономических отношений и повышения собственного статуса и личного обогащения, в том числе посредством использования складывавшейся инфраструктуры и режима границы.

В XVI – первой половине XVIII века большую роль в формировании пограничья и собственно границ играл внешнеполитический фактор. Изменение межгосударственной границы России с джунгарами, а позднее оформление «внутренних» границ расселения башкир способствовали, помимо прочего, определению пределов казахских кочевий и ослаблению угроз для них с юго-востока и северо-запада. В то же время формирование русско-джунгарской границы являлось одним из серьёзных факторов, вносивших неопределённость в систему международных отношений того периода в Центральной Азии. Внешнеполитическая ситуация в макрорегионе с середины XVIII века постепенно стабилизировалась. С падением Джунгарского ханства и подписанием официального договора между Российской империей с Цинским Китаем территория, населённая казахами, в том числе в русско-казахском пограничье, оформилась и позже трансформировалась уже в рамках административных реформ, а не в формате межгосударственного взаимодействия.

Попытка формирования некоей нейтральной зоны, например, в форме так называемой десятивёрстной полосы, вызвала непонимание и противодействие как со стороны казахов, так и со стороны казачества и губернской администрации. В результате царское правительство в дальнейшем отказалось от создания территорий с таким статусом.

С момента включения казахов в состав Российской империи засеки повсеместно стали сменяться маяками, в том числе симами. Охрана русско-казахской границы осуществлялась только со стороны так называемых внутренних территорий. Первоначально она преимущественно осуществлялась казачеством, в XVIII веке к её охране (прежде

всего в Западной Сибири) привлекли несколько регулярных полков и других подразделений, но уже в начале XIX века она была практически полностью передана в руки иррегулярных войск.

Можно сказать, что в течение XVIII – начала XIX века происходил период межэтнической «притирки», когда народы постепенно знакомились с обычаями, способами жизнедеятельности и социально-политической организации друг друга. Постепенно конфронтационная напряжённость спадала, и на рубеже XVIII и XIX столетий необходимость в регулярных войсках для охраны русско-казахских границ практически полностью отпала.

Формализация административно-территориального деления и взаимодействия с соседними странами выражалась в нанесении границ на карты. Долгое время границы с казахами обозначались условно. До 1820-х годов не удавалось достичь и их надлежащей точности. Границ, не имевших естественного происхождения, также долгое время не существовало. Их появление, связанное с необходимостью определения пределов экономической колонизации степи казачеством, в первую очередь десятивёрстной полосы, стало возможным и начало осуществляться лишь после проведения первых серьёзных административно-территориальных реформ России в казахской степи в 1820-х годах. Появление пограничных знаков в XIX веке в степных районах целесообразно рассматривать в порядке административного размежевания, а не международно-правового разграничения.

Примечания

¹ Кенесарин А. История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина («Насаб-наме-йи султан Садык» – «Родословная султана Садыка») / Факсимиле текста, перевод, примечания, археографическое предисловие, подготовка текста, примечания и указатели И.В. Зайцева. М., 2017. С. 17.

² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сб. документов и материалов (КРО-1) / Акад. наук КазССР, Центр. гос. архив КазССР.

Алма-Ата, 1961. Док. №19. На самом деле такой грамоты не было, казахский хан Абулхаир выдает желательное за действительное. Свидетельство важно для характеристики восприятия собственности земель казахскими владельцами.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. 1784-1788. СПб., 1830. Т. 22. С. 839. Док. №16534.

⁴ Энциклопедия города Омска. В 3-х томах. Т. 1. Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716 по 2008 год) / Под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. Омск, 2009. С. 41.

⁵ Архив Государственного Совета (АГС). Т. 1. Ч. 2. СПб., 1869. С. 850.

⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 64-67.

⁷ Архив СПб. Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 524. Л. 70.

⁸ Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1903. Док. №1187. С. 221.

⁹ Архив СПб. Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1185. Л. 2.

¹⁰ Кожирова С.Б. Синьцзян на транзитных перекрестках Евразии (История торговли XVII–XIX вв.). Алматы, 2016. С. 42-45.

¹¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996. С. 392.

¹² Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Приложения. Док. №212. С. 72.

¹³ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1744/82 гг. Д. 10. Л. 189об.–190.

¹⁴ В историографии сложилось мнение, что И.И. Неплюев стал автором так называемого «жёсткого курса» по отношению к нерусскому населению периферии Российской империи, в основе которого лежала политика «разделяй и властвуй». На наш взгляд, он продолжал идеи И.К. Кириллова, писавшего, что «ежели калмыки какую противность покажут, то мочно на них киргизцов (казахов. – А.Б.) обратить... а напротив того буде Киргиз-Кайсаки злобу иметь, то на них Калмык и Башкирцев послать...» ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 321. Однако следует признать, что И.И. Неплюев действительно внёс существенный вклад в формирование правительственной политики Российской империи на Востоке.

¹⁵ См.: РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 118. 1744 г. Л. 3–20; Материалы по истории Казахской ССР (МИКССР). Т. 2. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / Под ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата, 1948. Док. № 21. С. 75-85; История Казахстана с древнейших времен до

конца XVIII века (Практикум – учебное пособие) / Под ред. Д.И. Дулатовой. Алма-Ата, 1992. С. 109-124 и др.

¹⁶ См.: *Быков А.Ю.* Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Рукопись. СПб., 2006. С. 92-97.

¹⁷ 1 верста = 1,06 км.

¹⁸ *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах... С. 49. Док. №157.

¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 а. Л. 45об.

²⁰ Архив СПб. Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 14об.–15.

²¹ *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир. С. 263-264. Эти же данные приведены в работах: Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897). СПб., 1897; *Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Свердловск, 1990 и др.

²² *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир. С. 263-264.

²³ Из воспоминаний первого омского областного начальника С.Б. Броневского / Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии А.В. Ремнева // Известия Омского историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 292.

²⁴ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 35-40.

²⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 83. 1886 г. Л. 13.

²⁶ *Ибраев С.И.* Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XVIII – начало XX века) // Вестник науки ААУ. 1996. № 7. С. 96.

²⁷ *Мусырманова А.Ш.* Место и роль сибирского казачества в системе войск страны и управлении краем // Валихановские чтения - 2. Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Кокшетау, 1994. С. 16-17.

²⁸ Из воспоминаний первого омского областного начальника С.Б. Броневского. С. 293-294.

²⁹ Там же. С. 295.

³⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 319. Л. 5 об.

³¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 9 об.

³² ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127. Л. 81.

³³ См., напр.: АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 835-836 и др.

³⁴ Подсчет наш. – А.Б.

³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 423.

³⁶ Там же. Л. 423об.

³⁷ Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции): сборник / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1960. Т. 1. С. 272.

³⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 423.

³⁹ Там же. Л. 424.

⁴⁰ Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 1. Оп. 2. Доп. Д. 85. Л. 96.

⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 426об.

⁴² *Еремينا Н.А.* Веймарн Иван (Ганс) Иванович // Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул, 1996. С. 90.

⁴³ *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах... С. 89-90. Док. № 253; КРО–1. С. 630-631.

⁴⁴ См., напр.: *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX века. 2-е, испр. изд. М., 1983; *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983; *Моисеев В.А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М., 1983; *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. Науч. изд. М., 1999 и др.

⁴⁵ Международные отношения в Центральной Азии... Кн. 2. С. 50, 69. Док. №№162, 169 и др.

⁴⁶ *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С. 39-40.

⁴⁷ *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859–1875). СПб., 1912. С. 309-310.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 424об.

